
Елена Куорсуннаах

ЦВЕТОК ШИПОВНИКА

Повесть из цикла «Дедушкины рассказы»

С якутского. Авторизованный перевод Аиты Шапошниковой

1

— Поздней осенью, по еще рыхлому санному первопутку, в наше подворье вбежал конь, запряженный в невиданно красивые в этих краях легкие сани. Я велел сыну Бетючке, который мехами раздувал огонь в горне, посмотреть, кто приехал. Сынишка сунулся носом наружу и тотчас юркнул назад. Наверно, бедного мальчугана смутил чрезвычайно нарядный вид гостей. В ту пору у меня было столько работы, что приходилось корпеть круглосуточно, не гася углей в горне. Недовольно накинув на себя старую шубейку, я вышел из кузни. Ретивый конь пофыркал заиндевелыми ноздрями, словно сообщая о прибытии издалека, и мужчина в волчьей дохе, накинув вожжи на прясло ограды, оборотясь ко мне, сказал:

— Что расскажете, хозяева?

Не успел я ответить, как с сиденья, обитого мехом, поднялся пожилой человек среднего роста, одетый с удивительной роскошью. Смотрю, он шагает ко мне, смахивая снег с рысьей шапки. Оттого, что я целыми днями пек лицо на жару пламени горна, зрение мое было не очень хорошим. Словно понимая это, мужчина сам приблизился ко мне и поздоровался, протянув узкую, но крепкую кисть. Заметив блеснувший на его безымянном пальце тяжелый золотой перстень прекрасной работы, я догадался, что его ко мне привело желание заказать что-то исключительное. Мне ли не знать, что такие господа имеют вкус к изысканным украшениям, при этом бывают на редкость осторожными. Они хорошо знали цену золотых изделий и готовы были платить любые деньги за приглянувшиеся вещи. В наших местах такими покупателями считались люди из родов Оросиных, Кулаковских, Давыдовых, Слепцовых. Они привыкли к тому, чтобы украшения женщин и убранство лошадей в их кланах были не как у всех. Я сработал для этих богачей много вещей, поэтому знал лично почти всех. Мой гость не был похож на них, возможно, он прибыл из другой, не близкой местности.

Слепцова Елена Васильевна (Елена Куорсуннаах) родилась в 1964 году, актриса, поэт и прозаик, автор 12 сборников поэзии и прозы. В 2008 году вышел ее первый якутский роман-миф «Ледяной рай», в 2014-м — исторический роман «Небесная буря», завершивший ее многолетний исследовательский труд, посвященный трагической истории якутской интеллигенции на рубеже XIX—XX веков (Государственная премия имени П.А.Ойунского). Составитель книги статей, рассказов и стихов репрессированных писателей В.Д.Давыдовой и П.И.Оросина-Хайыкы. Живет в Якутске.

— Здравствуй. Значит, это ты кузнец Боппоен? — спросил он тонким голосом.

— Он самый. У тебя какие новости? — ответил я вопросом на вопрос по якутскому обычаю.

— Есть что рассказывать. Я наводил справки, ты-то и нужен мне. — Мужчина имел привычку при каждом слове невольно подергивать плечами. — Уже вечер, нам, наверно, стоит у вас остановиться на ночлег, — не то спрашивая, не то утверждая, промолвил человек и глянул на меня.

— Конечно, ночуйте, куда на ночь глядя поедете-то? Сынок, Бетючке, когда лошадь остынет, отведешь ее в стойло.

Для нас было почти счастьем получить новости из центра. Когда мы зашли в дом, там уже успели наспех прибраться и подготовиться к встрече важных гостей. Жена моя Аана и сестра Балбаа надели нарядные платья и зажгли свечи. Брат Костекюн ушел в лес посмотреть силки на дичь, а его супруга Секуля корпела над каким-то рукоделием. Четверо моих и брата дочек-погодков играли перед очагом в куклы. Войдя в чистое уютное жилище, гости оживились.

— Здравствуйте, хозяйва. Что за царство красоты мы посетили? — пошутил пожилой человек, обнаружив, что дом полон женщин. От этих слов смутившиеся были члены моего семейства заулыбались, у них явно улучшилось настроение.

— Пожалуйста, проходите, будьте гостями. — Моя Анчик¹ была из образованного семейства, и ей нравилось привечать равных себе. Она накрыла на стол, достав самую лучшую посуду. Я был непривычен к парадным застольям, они сковывали меня по рукам и ногам, и кусок будто застревал во рту. Сам я любил простую немудреную еду. Тем не менее я уважал обычаи достойных людей, особенно мне нравилось смотреть, с каким явным удовольствием наша бабушка Аана порхает вокруг стола. Вскоре пришел Костекюн, и мы все вместе поужинали.

— Есть ли в срединном мире удовольствие большее, чем честь ужинать в обществе прекрасных, как цветы, особ? — Гость со вздохами озирался вокруг как человек, привыкший ценить красоту. Только тогда я осознал, что женщины моей семьи были одна краше другой. — Софрон, какой вы счастливый человек, — твердил гость. В его глубоко запавших глазах таился темный отблеск какой-то неотвязной печали. — А я вот прибыл с верховьев реки Солы, чтобы просить отлить для моей единственной любимой дочери погребальное украшение. — Услышав это, я похолодел. Мои домочадцы, весело беседовавшие за столом, умолкли. — Страшно сказать, до чего неудобно... Там, на родине, никто не согласился... — Гость начал сильнее подергивать плечами, речь стала прерывистой. — Если б моему птенчику в мужья достался приличный человек, разве б я, отец, бродил по свету, обливаясь слезами?.. — Он опустил голову и смахнул блеснувшие слезы. Спутник хлопнул его по спине и пробормотал:

— Митряй Уйбанабыс, мужайся...

— Эх... Как вспомню, сразу впадаю в такое состояние...

— Вы придавлены тяжелым горем, если хотите облегчить душу, расскажите все как есть, не стесняйтесь... — осторожно обмолвилась Аана.

— Э-э... — Митряй смущенно помялся, из красиво вышитого мешочка достал трубку из березового капа², насыпал в нее табак. — Да, так и надо сделать, что теперь скрывать? Возможно, молва уже распространилась, как лесной пожар, и давно бежит впереди меня. Скорее всего, сплетни дошли и до ваших краев. В старину мы добрую

¹ Аана, Анчик — русское имя Анна, произносимое на якутский лад.

² Кап — нарост на дереве с деформированными направлениями роста волокон древесины, создающими красивые узоры. Материал не коробится, не трескается, не ссыхается, не разбухает и великолепно обрабатывается; из него изготавливают всевозможные мелкие украшения, чаши, курительные трубки, шахматы, рукоятки для ножей и пр.

славу имели, а теперь нас узнают по дурным вестям... Софрон, выслушай меня внимательно и без осуждения, и ежели потом захочешь отказать — откажи. Не ради пустой забавы я в дальнюю дорогу пустился, да и года мои не те. Слишком дорожу памятью дочери, поэтому приехал. Как же любимая дочь богача Нысара, выросшая в роскоши и неге, предстанет перед Богом-Создателем в наряде нищенском, в уборе убогом? Грех же будет. Зачем тогда я всю жизнь прилагал усилия, чтобы стать богатым?

2

— Моя деточка, белая пуночка, родилась седьмым ребенком после шести мальчишек. Я полюбил ее сразу, как только она появилась на свет. Когда я вошел в комнату жены, малышка мирно лежала, запеленутая в тонкую, как лебяжий пух, белую кружевную материю, которую я нарочно купил во время поездки в южную страну, на подушке с такой же кружевной оборочкой. Деточка моя, посмотрев на меня ангельски чистыми глазами, улыбнулась, словно говоря: «Вот и пришел ты, мой хранитель и воспитатель». Ее губки крошечные открывались и сжимались, словно улыбаясь от радости. Распеленав ее и взяв на руки, у основания шейки я увидел небольшую черную родинку. Удивленный, я принялся рассматривать ее, и тогда жена со смехом сказала: «Поосторожнее держи ее, смотри, как бы не уколола, у нее там цветок шиповника...» Родимое пятно и правда было очертаниями похоже на полураскрытый бутон шиповника. «Какой удивительный знак... Ну, пусть, зато, боясь шипов, ее не будут обижать зазря», — сказал я.

Мне так давно мечталось иметь дочку, и бог наконец подарил нам прелестного ребеночка! От волнения я прилег с краю, обнял жену с дочкой и всплакнул. Да, я очень чувствительный человек. А старшие братья доченьки, бросив украдкой на нее первый взгляд, совершенно растаяли. О, дети мои, как они любили сестренку! Их любимица считалась лучшей из девочек: «У нашей Кятирис самые длинные косы; у той глаза уже, чем у нашей Кяти, а эта не так бела, как наша Кятирис...» — и так далее.

Дочурку мы по имени бабушки назвали. Сами ласкательно именовали ее Кяти. Когда моя девочка пухленькой мягкой ручкой обнимала мне шею, я чувствовал себя самым счастливым человеком. Для моей супруги Софьи солнце всходило одновременно с тем, как просыпалась ее малышка, и она совсем не противилась тому, что вся семья баловала девочку. Да и как было не любить и не баловать такое милое существо? Ведь она была так нежна и очаровательна. Лет шести-семи дочь как будто понимала свою исключительность; и когда она глядела большими ясными глазками, оттеняя их взмахами похожих на птичьи крылышки длинных ресниц, кто ж мог устоять и не дать ей того, чего ей хотелось. И дети, и взрослые одаривали ее последними своими лакомствами. «Какая хорошенькая пташечка...» — умилялись все, кто ее видел. Мне как отцу порой бывало не по себе от того, что посторонние люди обращают на нее такое внимание, но я не смог-таки укрыть ее, ибо как спрячешь прекрасный цветок, расцветший на обочине дороги?..

Доченька наша росла на руках шести братьев, родителей, двух бабушек, деда и толпы дворовых. У нее было все: роскошные наряды, вкусные лакомства, лучшие упряжные лошади и даже девочки-подружки, подобранные специально для нее. Несмотря на неслыханное потакание, Кяти выросла скромной и стыдливой девочкой. До пятнадцати лет она пряталась за широкой юбкой материнского платья. Но видели бы ее, когда со взрослением ее худенький стан вдруг начал обретать округлости. Она превратилась в привлекательную девушку, на которую хотелось смотреть, не отрывая взора. Ее густые черные косы струились до самых щиколоток, была она стройна, как березка, с кожей лебяжьей белизны, как у матери, а большие черные очи напоминали глаза испуганного оленя. Если она, прикрыв пушистыми ресницами глазки, шуточно поглядывала туда-сюда, поводя блестящими соболиными бровями, сердца всех парней

таяли. Ее нежные, как ушки зайца, пальцы, не ведавшие тяжелой работы, и ножки, легкие, как у жеребенка, по моему отцовскому мнению, могли быть воспеты в песнях. Маленькая моя говорила: «Отец, не отдавай меня замуж насильно, я выйду только за человека, похожего на тебя... А если жених будет нежеланный, я спрячусь от обиды в хлев и не выйду». И что же случилось? Ы-ы-ы... — Рана на сердце гостя открылась вновь, и он затрясся от безудержных рыданий. Наши девочки от страха попрятались под одеяла, подбитые заячьим мехом.

— Перед вами сидит грешник, который самолично отправил на тот свет любимую родную кровинку, лучшее создание Бога... Как еще терпит земля мои слезы? Выслушайте, что случилось со мной...

Когда дочка достигла брачного возраста, все наперебой начали просить ее руки. Если дочери кто-то нравился, изъян в нем видели мы с женой, если жених устраивал нас, возражали братья, а если вся семья находила кого-то достойным, отказывала дочка. Вот так мы кичились, словно обладали неким великолепным бесценным сокровищем, как вдруг из Якутска пожаловал мой приятель, знаменитый купец Карпов. Увидев нашу Кяти, позабыв о жене и детях, он зачастил к нам. Опаивая меня водкой, уговаривал: „Отдай дочку за меня«. Вскоре узнали, что он высмеивает людей, приехавших свататься, те не выдерживают и уезжают. Мой старший сын Уйбаскы был очень вспыльчивым. Однажды, когда мы с Карповым куролесили в пьяном угаре, он жестоко избил гостя. Озлобившись, господин привез из города судейских, и те увезли сына в город, в тюрьму. Бедняжка Кятирис, вина во всем себя, перестала выходить из комнаты. Этот гад отправил через знакомых письмо, в котором потребовал: «Если хочешь увидеть сына живым, выдай дочку за меня...» Видите, получается, наша доченька стала вроде куклы, которую мы, родители, могли дать кому-то поиграть. Старуха моя от жалости к сыну плакала день-деньской и причитала: „Разве мы ровня этому страшному человеку? Надо вызволить сына, отдай лучше ему дочь«...

Как-то раз рано утром я вышел из дому и обнаружил, что мое дитя сидит на чурбаке возле балагана, раздавленная тоской. «Доченька, что с тобой?» — спросил я, а она взгнула на меня полными слез обиженными глазами и молвила: «Отец, сколько мне упираться, убьют же брата бедного в тюрьме до смерти, придется пойти за изверга. Но я дочь Бая Нысара, так что вряд ли прощу такое унижение. Время покажет, перельется у него чаша грехов через край...» Жестко сказав это, она встала и убежала стремглав. Только тогда я понял, что у моей малышки есть шипы. Почему цветок шиповника колет, когда его хотят сорвать? Он хочет сберечь свою красоту. Чтобы потом дать хороший плод. Но если повредить бутон, чье время цветения и так невелико, от него останутся только колючки, и оно будет жалить всех подряд, куда совсем не захочет.

И хотя я догадывался, что наступит отмщение за поругание существа, не знавшего ничего, кроме ласки, обливаясь слезами, я отправил моего ангела с тем дьяволом. О, до чего же я был глуп! Не надо было мне выпивать с ним, дикарем, а следовало сразу же, с порога послать его подальше. А может, стоило выдать дочь за кого-то из молодых мужчин, которые ей нравились. Да что толку теперь жалеть!

Вот так нелепо, без всякой свадьбы и брачного обряда отдал я доченьку ушлому мошеннику, какого свет не видывал. Сына моего, который после нескольких месяцев издевательств и побоев стал доходягой, он привез и брезгливым пинком под зад втолкнул в наш дом. Досадно было, но ведь сила силу ломит. После отъезда Кяти солнце над нашим подворьем закатилось. Супруга Софья изнемогла от горя и очень быстро ушла на тот свет. Уйбаскы протянул только год, а потом у него открылась кровавая рвота, и Бог забрал его. Печенку ему отбили ногами, мог ли он выжить после того? Другие сыновья, не стерпев обиды, начали топить ее в водке, ходить по карточным притонам. Богатство мое, что я копил немало лет, таяло, мощна истощилась...

3

Эдак я безрадостно влачил свое житье, как вдруг в один весенний день во двор на полном скаку влетел на быстром коне какой-то невысокий всадник. Младший сын Семен выскочил из дома и с воплем: «Кяти!!!», ринулся к спешивавшемуся гостю. Мы гурьбой повалили за дверь. Обняв всадницу, Семенчик кружил ее в объятиях. Это и правда была она, милая наша Кяти, одетая в легкое мужское пальто, с копной коротко остриженных волос. Мы подбежали и окружили их. О, моя бедная девочка исхудала так, что от нее остались кости да кожа. В ее глазах пылал неизвестный мне опасный, мрачный огонь. Кожа на ее бледных скулах стала прозрачной, цвета стлылого льда — немое доказательство страшных испытаний, которые ей выпали. Ее нежная красота ничуть не поблекла. Однако прежняя плавность движений сменилась мужской пылкостью и решимостью. Я обнял мое дитя, и все беды и заботы, навалившиеся на меня, словно отлетели прочь. Вечером, при свете огня в очаге, я наконец разглядел тень тягостной думы, спрятанной на дне ее грустных глаз. И тотчас шипы ее слов, больно вонзившиеся при расставании в мое сердце, снова заворочались в нем отчаянной болью. Мы не допытывались об ее житье-бытье. По виду девочки было ясно, что ей досталась незавидная судьба, поэтому предпочли без расспросов насладиться неожиданным мигом встречи.

Наутро я вышел на дворовый сеновал и принялся багром дергать из стога пласты сена. В это время подошла дочь и, прислонившись к ограде, обратилась ко мне:

— Отец, дорогой мой... Понимаешь ли ты, что я на твои плечи неслыханную, ужасную беду взвалила? Рожденная несчастной не может принести ничего, кроме горя...

Чтобы не показать, как ослабевшие мои руки выпустили багор с сеном, я сел на снег.

— Маленькая, давай, говори мне, что тяжким грузом придавило тебя. Я выдержу все, ведь виноват во всем я...

— Ох, да разве ты виновен? Это все Бог допустил, наделив меня красотой и белой плотью. А еще виновен ревнивый дьявол. Вот почему я отреклась от них обоих, — проговорила она зловещим голосом. И меня мороз по коже продрал от ее слов.

— Деточка, о чем ты? Не бывает людей, которые от Бога отрекаются...

— Значит, меня давно нет в живых... — страшно прошептала дочь. В этот миг я почему-то представил себе цветок шиповника; он едва раскрылся, но тотчас лепестки начали осыпаться.

— Что ты несешь, Кэтирис?!

— Я же сказала: страдание может родить только боль. Не стану больше томить, я прикончила этого подлеца... — Проговорив это, она затряслась от рыданий.

— Что?! Что ты болтаешь, глупая девчонка?!

— Отец... Можешь избить меня кочергой или отругай, накричи... Может, я проснусь, может, наказанному телу будет больно, но тогда душа очистится... — Причитая, она руками обвила мне ноги.

— О-о, дочка, неужели ты закидала огонь в очаге своим пеплом?!

— Да, отец, так и есть... Только он не человек, а дикий зверь. Сам согрешил и потому жалеешь его?! Даже ты меня не понимаешь? О-о, значит, разочарование, словно злой пес, будет опять преследовать и терзать меня... Отец, известно ли тебе, что в этом срединном мире существует ненависть, которая безостановочно взбивает злобу в чаше терпения? Тот, кто возбудил враждебное чувство, не избежит кары. Когда ядовитая стрела, выпущенная тобой, отскакивает и поражает тебя самое, боли страшнее нету. И я ранена такой стрелой. Отец, прости меня; если мне будет дано уйти в иной мир, прощение облегчит мытарства... — Приговаривая так, выла она, лежа на

земле ничком. «Неужели это моя Кяти, мой ангел?» — подумал я. Наклонясь, я увидел на ее обнаженной шее родимое пятно в виде цветка шиповника, понял, что случилось непоправимое, рухнул, прикрыв ее, будто желая заслонить от беды.

— Дитя мое, погоди. Если все кончено, не мучайся. Мы что-нибудь придумаем... Рану проще вылечить, пока не загноилась... — Я поднял дочь и прижал к груди. Бедная моя крошка, словно найдя защиту, как бывало в детстве, прижалась ко мне и затихла. Долго мы сидели молча. Это была наша прощальная нежность. В ту ночь мы нашли нашу девочку окоченевшей в постели. Позже братья обнаружили в кармане ее какой-то ядовитый порошок, завернутый в бумагу. Жуткие слова ее, сказанные напоследок, острым мечом пронзили мне сердце. От меня осталась одна оболочка, едва пыхчу, задыхаюсь, а внутри пустота...

Несчастье вышибло из нас всякое соображение, но вскоре к нам в поисках Кятирис с двумя старшинами прибыл Ньюкулай, слуга купца-изверга. Они и поведали нам всю правду о случившемся.

4

Довольный Ылджа Карпов на двух санных упряжках по осеннему первопутку легко добрался до города. Он не задержался у своего большого особняка на главной улице, а проехал дальше, на окраину. Минув темные переулки, остановился у последнего покосившегося домика. Грузно вывалившись из первых саней, он что-то рывкнул мужчине-прислужнику и, открыв низенькую дверь лачуги, вошел внутрь. Слуга Ньюкулай вытащил из вторых саней девушку, совсем еще дитя по виду, обернутую в шубу на беличьей подкладке, и не давая ей опомниться, потащил к дому. Оказавшись в сумраке неприбранного, плохо освещенного жилища, Кятирис поняла, во что влипла. Она растерянно топталась у порога, как вдруг сытый мужчина, воняющий сивухой, развалившийся у круглого стола, с неожиданной ловкостью поймал ее за руку и поволок за печку. Обезумев от страха, девушка с визгом дернулась назад, но ее крики ему были нипочем, он с грохотом опрокинул ее на деревянное ложе. Попав в самый ужасный переплет, Кятирис с воплями изо всех сил сопротивлялась, но распаленный похотью негодяй бесцеремонно, всем весом навалился на нее. Содрав шубу с беличьим подбоем, отбросил подальше и начал рвать в клочья нарядную одежду, которая была на ней. Девушка защищалась до изнеможения, но здоровенный, как зрелый медведь, верзила смял ее. Сделав свое дело, он брезгливо отпихнул ногой рыдающую девушку к стенке.

— Кончилось батенькино потаканье твоим капризам. Отныне будешь жить по моему закону! Поняла?! Один шаг к побегу, и я уничтожу не только тебя, но и всех твоих близких. С сего дня чтоб носу отсюда не высывала. А я буду наведываться, чтобы развлечься и отвести душу. Как положено бабам, будешь прибираться в доме и ждать господина, как собака ждет хозяина. Коль порадуешь — стану хорошо кормить и одевать, а если не доставишь мне удовольствия — выброшу без ничего! — прорычал он и, приоткрыв дверь, позвал Ньюкулая. Как только тот пришел, приказал: — Отныне будешь служить этой бабе, не спускать с нее глаз и слушать все, что она говорит. Будешь докладывать мне каждый шаг, каждое ее слово! Если станет выкобениваться, изобьешь хорошенько. Собери всю ее одежду и брось в мои сани. Голышом далеко не уйдет... — и вышел вон, грохнув дверью.

Бедняжка Кяти была настолько испугана и возмущена таким жестоким оскорблением, что ничего не видела вокруг себя; но поделаться ничего не могла. Плача, она присела на стул, стоящий перед печкой. Попробовала прикрыться обрывками платья и всхлипнула. Кто мог знать, какие мысли крутились в этот миг в ее маленькой головке, у кого она могла просить помощи?

Вскоре вошел Ньюкулай, виновато потоптавшись у двери, обратился к девушке, сидевшей к нему спиной:

— Тоем¹, сейчас я растоплю печку и согрею воды... — пробубнил он.

Испугавшись его голоса, Кятирис с криком метнулась за печь.

— Ты не бойся, я безобидный сроду. Раз так угораздило, придется терпеть. Не хотим же ни ты, ни я погибнуть как букашки... — Приговаривая так, он начал набивать топку дровами. От слов жалости Кятирис прижалась к печи и залилась слезами. Не вынеся этого, Ньюкулай поспешил выйти на улицу.

«Все равно отомщу ему, — думала она. — Наступит час, он землей подавится. Надо только выждать и выдержать. Как бешеного пса, уничтожу. И ни за что не умру, пока не добьюсь своего. О-о, ага мой, о-о, ийе²...» — Ее худенькие плечики тряслись от горьких рыданий. Немного успокоившись только под утро, она помылась приготовленной Ньюкулаем водой и уснула, не взяв в рот ни крошки еды.

С этого дня негодяй Карпов завел привычку являться к вечерним сумеркам и всячески издеваться над ней. Превратиться в подстилку зажравшегося богача Кятирис было гадко и унижительно; провалилась бы под землю — да земля тверда, улетела бы — да небо далеко. Иногда ей хотелось покончить с собой, однако при мысли о мести желание пропадало. Почти три месяца она жила взаперти, не выходя из дома.

В один вечер господин, удовлетворив похоть, присел у очага и приказал слуге:

— Нохо³, поиди принеси-ка из моих саней поклажу. — Ньюкулай вмиг притащил со двора довольно увесистую круглую коробку из бересты.

— Кятирис, поди-ка сюда. — Хозяин подозвал ее масляным тоном. Что было делать Кяти, пришлось с опаской подойти. — В этом коробе красивые наряды, завтра оденешься в них и будешь ждать меня. Мой друг, иностранец Вульфсон, знаменитый торговец, хочет увидеть якутскую красавицу. С кем мне его познакомить, кроме тебя? Таких, как ты, мало. Только, чур, не кривляйся... Если чужестранец побрезгует тобой, сама будешь виновата! — Молвив так, он вразвалку двинулся к двери, не дождаввшись ответа. Кяти было все равно, поэтому ни один мускул на ее лице не дрогнул. Как только тойон уехал, Ньюкулай вошел в дом.

— Сволочь, он задумал за большие деньги продать тебя знакомому. Ну пускай, может, с тем человеком ты поживешь хоть недолго, но по-человечески... Зайду в церковь, помолюсь, попрошу за тебя Бога...

В последнее время они подружились. Девушке было жаль этого трусливо дрожащего человека, поневоле попавшего в услужение. Но все же она воздерживалась открывать ему душу.

— Что делать, такова моя доля. Сколько раз ты умолял Его, а просвета нет. Кажись, Бог давно отвернулся от меня, зато нечисть всякая вокруг меня так и толпится. Они будто в душу влезли, и почему-то в голове одни черные мысли... — поделилась она.

— Детка, не надо так говорить, грех это, чай, не помираем с голоду. Ты молода, он скоро состарится, ослабнет и тогда... — изрек он и прикусил язык. Из его рассказов Кятирис знала, что у купца есть злющая жена Степанида и трое взрослых сыновей. По словам Ньюкулая, парни были люди как люди, не то что их папаша. Тот смолоду привык любыми уловками заполучать понравившуюся особу и доводить до гибели. Используя женщину, он либо выгонял на улицу, либо продавал за большие деньги. Несколько лет назад он откуда-то привез совсем юную девушку, таскал ее с собой по южным городам, а потом внезапно она пропала. Вывод Ньюкулай делал простой: «Он походя мог и прикончить ее». Власти знали про его мерзкое поведение, но почему-то делали вид, что ничего не происходит.

¹ Тоем — ласкательное обращение к ребенку.

² Ага — отец, ийе — мать.

³ Нохо — грубое, пренебрежительное обращение к парню.

— Богатый, он знает, как легко ускользнуть от суда. Ну ничего, и его чаша грехов скоро переполнится. — Все свои речи Ньюкулай завершал такими словами. Кятирис молчала, до крови прикусив губу, смотрела огненным взором на нож в ножнах, заткнутый за голенище торбаза Ньюкулая.

— Кэтирис, детка моя, выслушай, пожалуйста, внимательно слова человека, который всю жизнь по самую костлявую грудь барахтался в горе и по самый нос утопал в мучениях. Я беседую с тобой не потому, что мечтаю тойону угодить, а потому что хочу уберечь тебя от опрометчивого поступка. Как бы ни было трудно, старайся безупречно выполнять все, что требует хозяин. Если ты его приятелю не понравишься, считай, судьба твоя опрокинется навек. Он всегда старается показать использованную женщину влиятельным господам и сбить ее за высокую цену. Но если это не удастся, он продаст кому попало за гроши. А те людишки, как тебе сказать, сущие черти, с которыми и шаману не по пути. Кроме этого совета, я тебе ничем не могу помочь. Сегодня тебя везут к несметно богатому господину из какой-то чужой страны. Он станет жить с тобой, покуда обитает здесь, и, если ты ему приглянешься, содержать тебя во время пребывания в нашем городе. А если не понравишься, то будешь переходить из рук в руки. Кятирис, да что теперь скрывать, кабы ты умела обольщать женскими чарами, все было бы в твоих руках. Коли они пользуются тобой, то почему бы и тебе не извлечь пользу... Если б ты видела Татыяс, старшую сноху богача Саппыялаха, ни за что бы не подумала, что ее некогда продал Карпов. Он привез ее из Хангаласа. Спустя год выдал замуж, наврав, что это его родственница. Татыяс была шустрой и смелой девушкой, смогла вскружить хозяину голову и настояла на своем. Ты ничем не хуже ее, мешает лишь твое упрямство. Вместо того чтобы ластиться, все время выставляешь шипы. Мужчины порой бывают наивными, как малые дети, хорошо бы тебе этим воспользоваться. Помяни мое слово, назад дороги нет... — Весь вечер Ньюкулай донимал ее советами и наставлениями.

— Ньюкулай, если ты его так ненавидишь, почему до сих пор не сбежал, а остался на положении раба?

— Я как-никак мужчина, меня никто не желает ни продать, ни купить. Сын раба с рождения имеет цепь на шее да кандалы на руках и ногах, потому умеет только спину подставлять побоям. Коли не примирится со своей долей, его раздавят, как собаку, — полушепотом молвил сгорбленный Ньюкулай, с опаской озираясь. — Вот твоя семья имеет благородное происхождение, а терпит жестокое унижение от равного себе. Так-то... Крепись: попав в волчью стаю, выжить можно, лишь соблюдая волчий закон. Говорю тебе это по дружбе, я ведь знаю, что упорство до добра не доводит. — Заметив, что она не отрывает глаз от его ножа в голенище, он вздрогнул и произнес: — О-о, несчастная, видать, мой клинок сверлит тебе мозг. Страшно жаль, что мои слова не поколебали твоего ожесточения. Оказывается, женщина тоже может до поры надежно таить страшный умысел. Упаси бог! — И отвернулся.

5

На следующий день под вечер Карпов примчался на паре лошадей, запряженных в нарядные сани-кошевку, при этом сам был разодет до неузнаваемости. Когда до странности спокойная Кятирис вышла к нему, облаченная в изысканные одежды, он сначала прошелся вокруг нее, оценивая, однако по заду не шлепнул, как обычно, а лишь в знак удовольствия кивнул.

— Ну, Кятирис, ежели ты понравишься господину Вульфсону, это будет удача для всех нас; так что будь послушной. Я везу ему не простую женщину, а тебя, потому что дорожу тобой и уважаю. Но коли подведешь, обижайся на себя. — И взглянув на нее колочеч, добавил: — И не смей там ломаться и показывать когти, как нетронутая

девственница. Я очень на тебя надеюсь и хочу устроить твою судьбу, так что ты должна быть благодарна мне.

Он держал себя так, будто оказывал благодеяние. Обращаясь к слуге, купец с хохотом произнес:

— Ну что, смазливая молодайка, а, Ньюкулай? Ха-ха-ха... Я умею не только пользоваться, но и приносить пользу, Кятирис, ты потом сама меня будешь благодарить.

Смеясь во все горло, он подтолкнул девушку к выходу.

Был поздний сумеречный осенний вечер. Кошевка купца остановилась у громадного особняка Вульфсона. Как только большие ворота на задворках торгового дома распахнулись, Ньюкулай направил лошадей вглубь. Гости поднялись по ступенькам высокого крыльца и, отворив широкую дверь, вошли внутрь. Кятирис еще не приходилось бывать в столь величественном и светлом доме с таким роскошным убранством, поэтому она замешкалась у порога. Но тут подошла какая-то русская тетка и, взяв ее за руку, отвела в конец длинного коридора. Впустив ее в довольно просторную, ярко освещенную уютную комнату, сняла с нее шубу и повесила на крюк. Потом вернулась и, ласково взяв ее за руку, посадила на мягкий пуф перед высоким комодом, на котором раскинуло зеркальные створки трюмо.

— Илюша не соврал, ты и правда якутская красавица. Я только немного поправлю тебе прическу и слегка подкрашу личико и все, — произнесла она, без спросу расплела косы Кятирис и принялась расчесывать их. Видимо, догадавшись, что девушка трясется от страха, она зачистила по-якутски: — Милочка, что ты волнуешься, успокойся. Эдгард очень хороший человек, он не причинит тебе зла. — На глазах Кятирис она уложила ее волосы в мудреную прическу со всевозможными завитушками. И это было еще не все. Уверенно повернув девушку к себе, она открыла стоявшие на комодке крохотные баночки со сладко пахнущими пудрой и румянами, подмазала ее, припудрила и с довольным видом оборотила к трюмо. Образ в зеркале был похож на нарисованный портрет красоты, Кятирис аж вздрогнула от неожиданности.

— Ты великолепна, — заключила женщина и куда-то упорхнула. Не зная, что делать, Кэтирис довольно долго металась по комнате, словно разгоряченная лошадь. Но едва в прихожей послышался цокот каблучков, быстро юркнула за белую крашеную дверь, подобно горностаю, нырнувшему в снег.

— Где ты, милочка? Да не будь такой дикаркой! Господин ждет... — пропела женщина бархатистым голосом, ловко сунула руку за дверь и схватила ее. Кятирис было уперлась, но та крепкой хваткой выдернула ее, будто пугливого зайца, попавшегося в силки под корягой, сноровисто поправила ей платье и волосы, словно смахивая пыль с серебряного самовара, который собиралась поставить на богатый стол, и молвил: — Ну, с богом... — повлекла к выходу.

Когда они подошли к двустворчатой, щедро украшенной резьбой двери, женщина еще раз обдернула на Кятирис наряд. Затем кивнула, как учительница, довольная ученицей, и открыла дверь. Ослепленная ярким светом люстры, девушка заслонила глаза узенькой кистью в обрамлении манжета из кружевных рюшей. Сердце бешено заколотилось, словно пойманная куропатка. Но убежать она не могла — женщина подталкивала в спину.

— Катерина Дмитриевна, проходите... — Голос тойона прозвучал как-то иначе, даже можно сказать, искренне. А что, ведь он был тут единственный, кого она знала. Когда она потеряла равновесие и ее повело назад, давешняя особа подхватила Кятирис за подмышки и повела на середину комнаты. Кятирис и не видела, кто там был, ибо смотрела себе на ноги. Ей послышалось, как под чьей-то тяжестью скрипнули пружины сиденья, и по громадной тени перед собой девушка поняла, кто это был.

— Я польщен... Прелестно... — откуда-то сверху эхом донесся низкий голос. Хотя и было страшно, девушка подняла голову и узрела богато одетого толстяка в две сажени ростом; его мясистое, как сдобное тесто, белое лицо, обрамленное жидкими

желтыми волосами, украшали небесного цвета глаза навывкате да крупный горбатый нос. Он протянул ей руку. Немного успокоившись под его мягким взглядом, Кятирис дала ему свою дрожащую ладонь. Мягкой и пухлой рукой мужчина осторожно взял ее за кончик пальца.

— Очень приятно... — произнес он с волнением и лаской и усадил ее на диван.

— Познакомьтесь, это дочь моего друга, князя Дмитрия Ивановича Афанасьева, Катерина Дмитриевна. А это господин Эдгард Вульфсон. — Потная от водки широкая рожа Карпова мельтешила рядом. Теперь он не смотрел грозно исподлобья, не рывкал, как это делал, куражась над Кяти.

— Очень хорошо... Думаю, с Катериной Дмитриевной мы найдем общий язык. Где вы до сих пор прятали такой красивый цветок? Откуда взялась чудесная роза в вашем диком краю? Ну вы, приятель, удивили меня... — сказал Вульфсон, любуясь девушкой.

— Это мой секрет. Ну, раз она вам любя, на том разговор и кончен. «Ради дружбы и ногу сломать не жалко», — говаривали наши предки...

Долго бы еще хвастал купец, но Вульфсон поманил Карпова пальцем с золотым перстнем и что-то шепнул ему на ухо. Тот весь просиял и, дурашливо подмигнув Кятирис, поспешил удалиться.

Она осталась наедине с тойоном. «Сейчас набросится на меня», — подумала она и вся съежилась. Мужчина долго молчал, но потом с возгласом «Да-с!» резво вскочил на ноги. Кятирис, взвизгнув, метнулась к двери.

— Господи, дорогая, что с вами? Никто же вас не трогает. Фёкла! — позвал он на помощь давешнюю женщину. Та мгновенно, как в сказке, очутилась в середине комнаты. — Уведите Екатерину Дмитриевну в свою комнату. И успокойте ее. Что это с ней? — Он с жалостью посмотрел на Кятирис, которая с безумными криками пыталась убежать. Вульфсон разговаривал на ломаной смеси русских и якутских слов. — Я с ней потом поговорю.

Фёкла поймала девушку, притаившуюся за толстой колонной около двери, за запястье и увела обратно. «Кажись, я не понравилась... Обратно теперь отправит. Да скольким же мне быть подстилкой? Хватит и одного...» — подумала Кятирис, и тотчас у нее подкосились ноги.

— Ты что, милочка?! Заболела? Тебе важный тойон показал свое расположение, а ты вместо радости трясешься от страха? — лопотала Фёкла, не то ругая, не то утешая.

— Сейчас... Сейчас встану... и пойду... — Бедняжке от этих слов стало еще хуже. По щекам полились слезы.

— Ты куда собралась? Придется остаться! — строго отрезала Фёкла, обняла Кятирис за талию и, введя в комнату, уложила на диван.

— Знаю. Просто говорю что думаю... — пробормотала та и прикрыла веки. Из-под ее длинных ресниц выступили чистые капли, похожие на росу. Она еле заметно усмехнулась, что было знаком смирения.

— Странная ты барышня. Тебя трудно понять... — проговорила Фёкла, озадаченно глядя на прекрасную, как фарфоровая кукла, девушку. — Бог знает, что варится в твоей головке. Однако далеко пойдешь.

— Я падчерица у Бога. Он обижает меня, хотя я ни в чем не виновата. — Кэтирис отвернулась.

— Наивная ты чересчур. Бог, наоборот, чрезмерно тебя избаловал, поэтому ты упряма, как телок, — заявила Фёкла и мельком посмотрела в зеркало на собственную сухощавую, как плеть, фигуру, большой, как клюв ворона, нос, мясистые губы, бесцветные маленькие глазки, глубоко сидящие в глазницах. — Сколько женщин хотели бы оказаться в твоём теле... — И она поплелась к выходу.

6

Утром Фекла изощренно вырядила Кятирис и вывела в столовую. Эдгард уже восседал в конце бесконечно длинного стола. Когда гостья вошла, он встал и, колыхаясь дебелим телом, подошел к ней.

— Пожалуйста, прошу разделить со мной завтрак, — мягко произнес он, беря ее за кончик пальца, и, не дожидаясь ответа, отвел на противоположный конец стола. Вернувшись на место, он заговорил:

— Екатерина Дмитриевна, вы не бойтесь меня, я вас не трону и никому не дам обиду. Просто побудьте хозяйкой моего дома, пока я тут. Я с юности люблю общество красивых женщин. Вы вольны делать все, что хотите. Если хочется какого наряда или чего-то вкусенького, без стеснения говорите Фекле или мне. У меня хватит средств одеть и накормить одну женщину. Ваша забота — украшать собою мой пустой дом. Я не знал, что у якутов бывают такие красавицы, и шутя попросил дружка Карпова с кем-нибудь меня познакомить. Ведь мне здесь очень одиноко. Он сообщил, что привез вас с разрешения отца и что вся ответственность за вашу судьбу будет на мне. Если ваши родители не против, украсьте мою скучную жизнь...

Он объяснялся очень серьезным тоном. Кятирис не проронила ни слова. Хозяин некоторое время выжидательно молчал, а потом засучил манжеты и приступил к еде. На глазах девушки он в один присест уплеп столько блюд, сколько хватило бы на пять-шесть здоровых молодцов. А потом, вытирая засаленные руки и губы белой салфеткой, предложил:

— Сейчас, если вы не против, до прихода приказчиков я покажу вам факторию. Может, вам что-то понравится. Я недавно привез шляпы, которые продаются только в парижских салонах, они будут вам к лицу.

Кятирис не стала противиться, когда он приблизился, и положила по-детски нежную руку на полную, крупную лапищу Эдгарда.

7

До самой весенней распутицы Вульфсон не покинул Якутска. Кятирис мирно перезимовала в его доме. Знакома ее с людьми, он говорил: «Это моя прекрасная компаньонка». И поскольку он не требовал других отношений, кроме дружеских, Кятирис потихоньку успокоилась, а обида, нанесенная Карповым, как бы несколько притупилась. Друзья Эдгарда все чаще навещали его, чтобы полюбоваться «прекрасной компаньонкой» и ее нарядами. Господин не жалел на это денег. Стоило Кятирис кинуть на что-нибудь заинтересованный взор, как к вечеру вещь лежала перед ней. Скоро стало известно, что Екатерина Дмитриевна бывает в гостях только у самых знатных семей. Женщины гонялись за ней, чтобы подсмотреть ее наряды, а потом одевались так же. Да, нелестные слова, конечно, тоже звучали, но Кятирис делала вид, что они ее не касаются.

А потом Вульфсон собрался ехать на родину. Кятирис должна была остаться хозяйничать в его доме до санного первопутка. В один из дней господин сообщил, что намерен созвать друзей на прощальную вечеринку. Конечно же, должен был явиться и Карпов с женой и сыновьями. Услышав о том, Кятирис расстроилась:

— Голова у меня болит, вы не обидитесь, если я пропущу проводы? — спросила она за завтраком. Эдгард, конечно, давно приметил, что Кятирис обычно укрывалась в своей комнате, когда к ним навещался Карпов.

— Но ведь Карпов — друг твоего отца, почему ты каждый раз норовишь не попасться ему на глаза? Если он обижает тебя, скажи мне. Коли это так, я поставлю его на место.

Его решимость удивила девушку. Она вспомнила совет Ньюкулая применить женскую хитрость, и несколько раз ее подмывало сказать «да, он — обидчик», однако потаенная мысль «я сама его...» заставила прикусить язык.

— Сегодня вечером придут все здешние мои друзья, без хозяйки будет весьма

скучно, уж ты соберись, дорогая, прошу тебя. — И он нежным взглядом поглядел на Кятирис. Эдгард, честно говоря, быстро прикипел душой к молчаливой гордой девушке, которая украсила его холостяцкое бытие. Хотя он был огромным, как белый медведь, колочий взор этой маленькой якуточки пугал его. А если она начинала щебетать, как лесная птица, у него поднималось настроение. Когда она, надев новое платье, начинала кружиться перед ним, ему хотелось сжать ее в объятиях и покрыть поцелуями, но он сдерживал себя, понимая, что любое проявление мужских чувств заставляет эту милую девушку, испытавшую какой-то тяжелый удар судьбы, дрожать от страха. Он утешал себя надеждой, что когда-нибудь их отношения станут глубже и теплее, а пока ей нужно привыкнуть и обжиться.

8

На долгожданную вечеринку пожаловали все видные горожане. Кятирис восседала на мягком диване рядом с Вульфсоном, гордо подняв голову. Карповых, одетых в самые роскошные одеяния, девушка пронзила немигающим упрямым взором. Ехидно улыбаясь, Ылджа поцеловал руку Кятирис.

— Это моя супруга Степанида Степановна, — представил он полную белолицую женщину, стоявшую рядом. Та презрительно смерила ее сверху донизу оценивающим взглядом и, процедив: «И это дочь Митрия Нысара? Я-асно...» — двинулась прочь.

— А это Ылджа Младший, мой старший сын. — Карпов махнул рукой в сторону одного из трех юношей. При виде высокого скромного, не в пример родителям, парня с иссиня-черными кудрями и большими карими глазами, серьезно глядевшими из-под густых бровей, у Кятирис дрогнуло сердце. Бережно дотронувшись до кисти девушки, парень внезапно покраснел. Много людей в тот вечер здоровалось с ней, но легкое касание Ильи весь вечер вспоминалось ей, овеявая теплом. Словно боясь потерять это ощущение, Кятирис отыскивала парня глазами в зале, потом прижимала ладошку к лицу и целовала. Чтобы отвлечься от этого нового ощущения, она пожала мягкую ладонь Эдгарда, стоявшего рядом. Радостно улыбнувшись, мужчина обеими ладонями обхватил маленькую ручку девушки и прижал к влажным пухлым губам. Она с омерзением резко выдернула руку и даже сама поняла, как невежливо это получилось. Эдгард только смущенно улыбнулся. Кятирис снова начала взглядом искать молодого Ылджу. К ее удивлению, парень стоял совсем близко и не сводил с нее глаз. Чуть не задохнувшись, она бросилась прочь, к выходу.

«Что я, с ума сошла? Нет-нет, нельзя так... Только не он. О, боже, полно тебе шутки шутить со мной. Я сейчас выйду, подышу холодным воздухом, и все пройдет. Он ведь сын моего смертного врага...» — думала она, уткнувшись лицом в подушку.

— Ну, Кятирис, ужели не хочешь отблагодарить меня?

Когда над ухом ее раздался гнусный голос Карпова, она рывком села.

— До чего ты похорошела. Покажи-ка мне, как ты меня утетишь... — Он взял Кятирис за плечи и попытался опрокинуть на кровать. Она наотмашь влепила ему пощечину, однако он и глазом не моргнул. — Ох, обожаю драчливых баб. Кончай набивать себе цену, давай, пока никого нет, развлечемся, как бывало...

— Пошел вон, сволочь! Я сейчас позову сюда хозяина, — зло прошипела Кятирис.

— Какая разница тебе, лежать под ним или подо мной, а?! Я был у тебя первым, надеюсь, не забыла об этом... Ну милая, тряхнем стариной. — И он начал целовать ее куда попало.

— Негодяй, ты сломал всю мою жизнь и без стыда хочешь снова надругаться надо мной?! Ты погубил меня, но теперь я хочу услышать твой предсмертный хрип! — С этими словами Кятирис выхватила из-под подушки острый клинок. — Если нет на тебя ни суда, ни закона, сдохни от жала растоптанного тобой цветка! — прокричала она пронзительным голосом и с размаху всадила нож под дых побледневшего от ужаса мужчины. Карпов сперва вскочил, зажимая рану, затем всплеснул руками, будто не веря в случившееся. Ладони были испачканы темной кровью. Вытаращив глаза, он упал на колени.

— Отец твой предупреждал... Говорил: «Она — цветок шиповника». Острые у тебя

шипсы, однако... — просипел он непослушными губами и повалился ничком. На крашенный пол из под его тела вытекло непомерно много крови. Кятирис, потрясенная содеянным, осмотрела кровавый нож со всех сторон, а потом торжествующе обошла труп Карпова, сверля его горящими глазами, словно говоря: «Пыжился-пыжился, а подох в один миг...» В ней снова проснулась ярость, она издала долгий злобный рык. В это время кто-то постучал в дверь. Кятирис мягким рысьим скачком очутилась за дверью.

— Катерина Дмитриевна, почему вы кричали? — С этими словами кто-то ворвался в полумрак комнаты. С невиданной ловкостью девушка прыгнула и очутилась за спиной человека. И прежде чем он оглянулся, взмахнула ножом и воткнула его гостю в область почки. Тот от неожиданности охнул и медленно развернулся. Перед Кятирис на колени упал бледный как бумага Ылджа Младший.

— Почему? Я ведь пришел спасти тебя... — Обхватив руками ноги Кятирис, он сомкнул веки, чтобы больше никогда не открыть их. Трясушейся рукой она погладила густые волосы парня, опустила на пол и поцеловала умершего в губы.

— У цветка шиповника недолгий век, зато колючки его сохраняются до конца. Мы с тобой все равно не могли быть вместе. Прости меня. Зря ты постучался в мою дверь... — произнесла она незнакомым ей низким голосом. Осторожно опустив парня на пол, она спокойно встала и заперла дверь изнутри. Сняв платье в пятнах крови, бросила на диван. На худенькие бедра девушка натянула подаренные когда-то Эдгардом штаны для верховой езды. Поверх сорочки надела толстый пуховой свитер. Немного поразмыслив, окровавленным ножом откромсала длинную косу и засунула ее под рубашку погибшего юноши. Это был ее первый и последний дар любви. Из комода, стоявшего у кровати, она взяла маленький бумажный сверточек и зажала в кулаке. Пошатываясь, как в полусне, вышла в прихожую. На нее никто не обратил внимания, видно, приняли за мальчишку-прислугу. Сняв с вешалки у двери чей-то сюртук, она спешно покинула дом, вывела из стойла любимого коня и, не седлая, вскочила ему на спину.

9

Я прежде слышал, что не стоит богато наряжать покойника, особенно молодого, умершего плохой смертью, что это чревато тяжкими последствиями. Поэтому я сразу не ответил гостю, решил подумать в течение ночи. Моя Аана проплакала до утра, жалея несчастную Кятирис. Я и сам не сомкнул глаз от сердечной боли. А наутро обратился к гостю, на лице которого застыл немой вопрос:

— Приятель, в очень уж трудное положение ты поставил меня своей просьбой. Зная о непомерной цене такой услуги, все-таки посмел явиться к отцу семейства! Я догадываюсь, что грех падет на того, кто ее выполнит, так что придется мне, согласно обычаю, мастерить тайно, трое суток не выходя из кузницы. Уноси-ка ты свою беду из этого дома. Через три дня отправишь за заказом другого, сам не приходи...

По древнему обычаю, родственника самоубийцы никто не принимал, а если он все же приходил, следовало гнать его прочь. Я схватил палку, служившую мне кочергой, и попытался ударить вскочившего на ноги гостя, но промахнулся. Он, похоже, знал про обычаи, потому выбежал, прыгнул в стоявшие наготове сани, хлестнул коня кнутом и умчался под наши с Костекюном яростные угрозы.

Рассказывать про то, как делал вещи для умершей, я не могу. Через трое суток выбрался из балагана-кузницы совершенно ослепший и упал в сугроб, где меня и нашли. Я понял, что потусторонние силы высосали мне глаза. С тех пор блуждаю в темноте... Но я не считаю большим грехом то, что выковал для несчастной последние украшения, и ни о чем не жалею. Это верно, что незащитный человек запутывается в невидимых тенетах. Аана моя до самой смерти расстраивалась до слез, когда на опушке леса видела цветы шиповника.

Дед раздосадованно взял кружку и, шумно прихлебывая, допил чай.